

DOI: 10.25178/nit.2026.1.21

Статья

Эвфемистические названия частей тела медведя в виллюйском говоре якутского языка

Егор Р. Николаев

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Российская Федерация

В статье раскрываются особенности семантики эвфемистических названий частей тела медведя в виллюйском говоре якутского языка. Производится их мотивационный, этимологический, словообразовательный разбор. Описаны мотивирующие признаки, лежащие в основе номинации эвфемизмов. В работе использованы методы и приемы языкового анализа (грамматический, этимологический), сопоставительный, сравнительный методы. Источником послужили диалектологические, толковые словари, полевые материалы автора, собранные во время диалектологической экспедиции в Виллюйском улусе в 2023 г. Для прояснения семантики эвфемизмов приводится антропонимический материал.

Заключено, что в якутском языке соблюдается основной принцип эвфемизации — запрет называния части тела животного. В основе запрета лежит медвежий культ, сопряженный с промысловым культом якутов. Формальное представление эвфемизмов выражено в категории принадлежности 3-го лица, ед. ч. План содержания эвфемизмов раскрывается в семантических признаках, которые складываются из совокупности словообразующих процессов: 1) сужение семантики общеупотребительного слова — образование слов с эвфемистическим значением; 2) диалектное употребление эвфемизмов — употребление на территории виллюйского или нескольких говоров, обусловленное таежным ландшафтом, в условиях которого развилась промысловая охота и ее отражение в лексике.

Основные мотивирующие признаки обусловлены внешним обликом частей тела медведя: форма, цвет (кый-мата, кыһыла), функциональным назначением (кылатара, иһиллиирэ, амсайара, сытыргыыра, үллүгэ), качественным свойством (аһыыта, харанньыта, харата), локализацией (туһүлгэтэ). В дальнейшем, полученные результаты могут быть использованы при изучении семантического пространства различных лексико-тематических групп в целях вычленения семантико-мотивационных моделей в якутском языке, в т. ч. и эвфемизмов.

Ключевые слова: якутский язык; диалектная лексика; эвфемизм; мотивирующий признак; медведь; части тела медведя

Статья подготовлена в рамках Госзадания № 075-00619-26-00 (НИР «Якутский язык: современное состояние и развитие в аспекте систематизации лингвистических данных», FWRS-2024-0066).

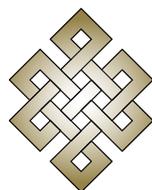
Для цитирования:

Николаев Е. Р. Эвфемистические названия частей тела медведя в виллюйском говоре якутского языка // Новые исследования Тувы. 2026. № 1. С. 386-398. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.21>

Николаев Егор Револьевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Адрес: 677027, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1. Эл. адрес: 1953307@mail.ru

NIKOLAYEV, Egor Revolevich, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of the Yakut Language, Institute for Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples, North of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 1 Petrovskogo Str., 677027, Yakutsk, Russia. E-mail: 1953307@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3782-8402

Euphemistic Names for Bear Body Parts in the Vilyui Dialect of the Yakut Language

Egor R. Nikolaev

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

The article examines the semantic features of euphemistic names for bear body parts in the Vilyui dialect of the Yakut language. It provides a motivational, etymological, and word-formation analysis of these units. The motivating features underlying the nomination of euphemisms are described. The study employs methods and techniques of linguistic analysis (grammatical and etymological), as well as comparative and contrastive methods. The sources comprise dialectological and explanatory dictionaries and the author's field data collected during a dialectological expedition to the Vilyui ulus in 2023. Anthroponymic material is brought in to clarify the semantics of euphemisms.

It is concluded that the Yakut language observes the basic principle of euphemisation, namely the prohibition of naming the body parts of the animal directly. This prohibition is grounded in the bear cult, which is interconnected with the hunting cult of the Yakuts. Formally, euphemisms are represented by the category of third-person singular possession. The content plane of the euphemisms is revealed through semantic features that arise from a set of word-formation processes: (1) narrowing of the semantics of a common word, resulting in units with euphemistic meaning; (2) dialectal use of euphemisms, that is, their functioning in the territory of the Vilyui or several dialects, conditioned by the taiga landscape in which commercial hunting developed and found reflection in the lexicon.

*The main motivating features are determined by the external appearance of bear body parts (shape, colour: *kyimata*, *kyhyla*), their functional purpose (*kylatara*, *ihilliire*, *amsayara*, *sytyrgyura*, *ыльге*), qualitative properties (*ahyyta*, *kharannyta*, *kharata*), and localisation (*тыһыҕете*). The results obtained can further be used in studying the semantic space of various lexico-thematic groups to identify semantic–motivational models in the Yakut language, including those underlying euphemisms.*

Keywords: Yakut language; dialect vocabulary; euphemism; motivating feature; bear; bear body parts

Financing

The article was prepared within the framework of State Assignment no. 075-00619-26-00 (research project “Yakut language: current state and development in the aspect of systematisation of linguistic data”, FWRS-2024-0066).

For citation:

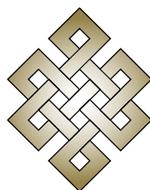
Nikolaev E. R. Euphemistic Names for Bear Body Parts in the Vilyui Dialect of the Yakut Language. *New Research of Tuva*, 2026, no. 1, pp. 386–398 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.21>

Введение

Лексика языка является репрезентантом различных фрагментов языковой картины мира народа, в котором интегрируется совокупность представлений об окружающем мире. Такие представления заключены в значениях разных единиц языка, которые «складываются в некую единую систему взглядов или предписаний» (Зализняк, 2006: 207). Исходя из этого тезиса, можно предположить, что диалектная лексика, являясь частью якутского языка, тоже является неотъемлемым фрагментом языковой картины мира якутов (саха).

Диалектная система якутского языка, согласно диалектологического атласа, включает 36 говоров, 5 подговоров¹. По территориально-лингвистическому принципу выделяют четыре условные диалект-

¹ Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты) / сост. С. А. Иванов; отв. ред. П. А. Слепцов. Новосибирск: Наука, 2010. Ч. 2: Морфология и лексика. С. 82–83.

ные зоны: центральная, олекмо-вилюйская, северо-западная и северо-восточная (Воронкин, 1999: 154–155). Их основное отличие заключается в наличии таких фонетических признаков как аканье и оканье, в произнесении некоторых звуков в различных позициях (например, анлаутное *h* употребляется преимущественно в олекмо-вилюйской диалектной зоне). Лексический состав говоров отражает своеобразие, обусловленный характером рельефа местности, где живут носители того или иного говора, разнообразием уклада их жизни и быта. Так, северо-западная и северо-восточная зоны (оба находятся в зоне лесотундры — редколесье чередуется с кустарниковыми и тундрами) отличаются тем, что здесь сильно развито оленеводство, охота и рыболовство (речное), а олекмо-вилюйская зона (расположена по течению р. Вилуй, таежный ландшафт — преобладание хвойных лесов), по сравнению с центральной зоной (тип ландшафта — алас: поле или луг в лесу рядом с озером), отличается преимущественно тем, что здесь развито рыболовство (озерное), охота и скотоводство (там же: 155). В целом, эти особенности послужили предпосылкой для появления различных диалектных признаков, которые проявляются в диалектной лексике.

В настоящее время исследование диалектной лексики якутского языка проходит в виде инвентаризации и документирования собранного материала, семантического, этимологического анализа разных лексико-тематических групп, которые постепенно выходят из употребления, например, лексике традиционной пищи, посуды и утвари, орудий труда, одежды, обуви и др. К таким тематическим группам мы также относим и охотничью лексику, поскольку с развитием новых способов охоты, с изменением правил охоты, ведения традиционного хозяйства и т. п., трансформируется и лексический состав терминов охоты, в т. ч. и эвфемизмов, которые являются частью диалектной лексики якутского языка в целом.

В первую очередь, «медвежья» лексика присутствует в трудах этнографов и фольклористов, в которых описываются религиозные воззрения якутов, где названия частей тела медведя привлекаются для описания того или иного обряда, т. е. упоминаются эпизодически, например: «...кожа с лап медведя служила сильным амулетом. (...) Желчный пузырь медведя использовался как средство против опухолей. (...) В медвежьем культе якутов можно проследить почти все характерные обрядовые элементы: словесные запреты и подставные названия..., сохранение в целостности всех костей медведя...» (Алексеев, 2008: 51, 52); «...отправляясь на медведя, промышленники говорят уже особым языком, отличным от обыденного» (Худяков, 1969: 210), «когда ходят промышлять диких оленей или сохатых, то им нет ни погребения, ни того почета, какого удостоивается медведь» (там же: 215).

В трудах якутских лингвистов лексика охоты во многом рассматривалась с точки зрения анализа охотничьих эвфемизмов и табу: П. П. Барашков приводит краткий список слов-эвфемизмов (Барашков, 1959); А.С. Луковцев рассматривает слова-запреты (слова-табу) охотничьего промысла (Луковцев, 1980); И. П. Павлова описывает и проводит классификацию эвфемизмов якутского языка, выявляет их семантику и закономерности создания вторичных номинаций в табуированной речи¹; Ю. М. Борисова, А. А. Скрыбина описывают особенности эвфемистической лексики охоты и рыболовства, а также анализируют названия тотемных животных (Борисова, 2023; Скрыбина, 2017) и др.

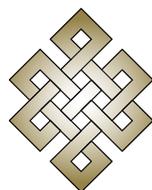
Вместе с тем, в вышеназванных трудах отсутствует анализ семантики эвфемизмов, которые обозначают части тела медведя. Вызывает интерес для анализа и то, что эвфемизмы могут употребляться на территории одного или нескольких говоров. В нашей статье мы обращаемся к диалектным эвфемизмам одного говора — вилюйского, значения которых уточняются на материале диалектологической экспедиции в Вилюйском улусе.

Цель данной статьи — выявление и описание семантических особенностей эвфемистических названий частей тела медведя в вилюйском говоре якутского языка.

В соответствии с этой целью поставлены следующие задачи:

- 1) сделать обзор литературы, посвященной изучению эвфемизмов;
- 2) уточнить эвфемистический характер общеякутского названия *эһэ* 'медведь';
- 3) выявить мотивирующие признаки производящих основ эвфемизмов, которые обусловлены: внешним обликом части тела медведя; назначением части тела медведя; качественным свойством части тела медведя; локализацией части тела медведя.

¹Павлова И. П. Лексическая система эвфемизмов якутского языка: семантика, структура: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 1996.

Источниковой базой для данного исследования стали материалы, собранные во время диалектологической экспедиции, которая проходила 18–26 марта 2023 г. в Вилюйском улусе¹. Вилюйский говор в качестве источника в данном исследовании был выбран на том основании, что: во-первых, маршрут экспедиции охватил населенные пункты, которые ранее не были достаточно изучены в диалектологических экспедициях советского времени (в 1980-х гг.); во-вторых, основными информантами стали коренные жители с. Югюлятцы — писатель и охотник Семен Семенович Маисов (1973 г. р.) и его мать Анна Петровна Маисова (93 года). Из их совместной аудиозаписи (продолжительность 1 час 45 минут) выявлено около 400 диалектных слов и словосочетаний. По нашим подсчетам, четверть из данного материала не имеет фиксации в ранее изданных диалектологических словарях якутского языка.

В качестве дополнительного источника была привлечена рукопись романа «Ийэм кэпсиир» («По рассказам матери...») С. Маисова, которая была издана в 4-х частях²; в-третьих, охотничья лексика якутского языка во многом имеет лексические параллели в эвенкийском языке, а известно, что вилюйский говор исторически входит в сферу эвенкийского влияния (Воронкин, 1999: 82), включается в олёмко-вилюйскую диалектную зону, которая охватывает говоры ленских, олёмкинских, мирнинских, сунтарских, нюрбинских, верхневиллюйских и вилюйских якутов, а также говоры I и II Лючюнских и Мукучинских наслегов³ Кобяйского улуса.

Все приведенные в статье дефиниции взяты из диалектологических словарей якутского языка, а также из Большого толкового словаря якутского языка⁴.

Основным методом исследования является описательный метод с применением семантизации отобранных лексем. Методом выборки из полевых материалов были установлены эвфемизмы, связанные с медведем. В исследовании использованы методы и приемы языкового анализа (грамматического, этимологического), сопоставительный, сравнительный методы.

Обзор литературы

Как известно, эвфемистический пласт лексики был рассмотрен в трудах многих лингвистов. С. Видлак отмечает, что в сфере лексики эвфемистическая субституция часто опирается на синонимику и полисемию слов (Видлак, 1967: 275); Д. К. Зеленин в своем известном труде выделил производственные запреты (охотничий язык), определил идею замены запретных слов и т. д. (Зеленин, 1929); тематическая классификация эвфемизмов и классификация языковых способов создания эвфемизмов в речи разработаны Л. П. Крысиным (Крысин, 1994); В. П. Москвин составил классификацию эвфемизмов по способу их мотивации, выделив метонимическую и метафорическую номинации, перифразирование (Москвин, 1999); Е. П. Сеничкина проанализировала классификацию эвфемизмов (уровневую, лексико-семантическую, мотивационную, морфологическую и др.)⁵.

Во многих исследованиях часто ставится вопрос разграничения терминов *слово-табу* и *эвфемизм*. Ж. Ж. Варбот определяет цель табу так: «Этим определяется механизм действия Т.: замена названия другим или преобразование названия. Слово или выражение, заменяющее табуизированное слово,

¹ В экспедиционный маршрут были включены Югюлятский (с. Кюбянде), Тылгынинский (с. Тиэрбэс), Халбакинский (с. Тосу), Чочунский (с. Сыдыбыл), Бёкчөгинский (с. Бетюнг), Чернышевский (с. Чинеке, в т. ч. местность Уотту) наслеги, а также г. Вилюйск (крайняя точка маршрута находится в 746 км от г. Якутска). Были заполнены 2 вопросника (2 информатора Югюлятского, Чочунского наслегов), сделаны аудиозаписи устной речи 31 коренных жителей — носителей вилюйского говора (длительность более 15 часов).

² Маисов С. С. Ийэм кэпсиир... : роман. Дьокуускай: Бичик, 2009. Ч. 1; Маисов С. С. Ийэм кэпсиир... : роман. Дьокуускай: Бичик, 2010. Ч. 2; Маисов С. С. Ийэм кэпсиир... : роман. Дьокуускай: Бичик, 2012. Ч. 3; Маисов С. С. Ийэм кэпсиир... : роман. Дьокуускай: Бичик, 2013. Ч. 4.

³ Наслег — административная единица Якутии, соответствующая сельсовету или сельскому поселению.

⁴ Диалектологический словарь якутского языка / сост. : П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976; Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том / сост.: М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. Новосибирск: Наука, 1995; Саха тылын быһаарыылаах улахан тылддьыта [Большой толковый словарь якутского языка] : в 15 т. [Электронный ресурс] // Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. URL: <http://igi.yun.ru/btsja/> (дата обращения: 25.03.2025).

⁵ Сеничкина Е. П. Эвфемизмы русского языка: спецкурс: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2006.

называется эвфемизмом»¹. Также существует мнение, что: «Эвфемизация легко осуществляется с помощью слов с расширенной семантикой: *белье* (вместо *трусы*) и др.» (Ковшова, 2007: 21). В некоторых исследованиях отмечается, что «... эвфемистической замене чаще всего подлежат денотаты, воспринимаемые социумом как отрицательные и неприемлемые. (...) Стигматичность денотата является основанием для идентификации тех или иных antecedентов неприемлемыми, нежелательными, неуместными и заключения, что тот или иной antecedent нуждается в завуалировании, скрытии» (Солодилова, Соколова, 2017: 75).

Эвфемистическую лексику в тюркских языках изучали в разных аспектах. В основном, на основе охотничьей лексики эвфемизмы описывают А. К. Булатова (Булатова, Сагдеева, 2022), А. Д. Каксин² и др.³ На наш взгляд, эвфемизмы являются одной из достаточно изученных областей лексики в тувинском языке (Монгуш, 2022; Серен, 2006; Сувандии, 2013, 2016).

В отношении якутских эвфемизмов можно отметить, что северный климат и ландшафт способствовали «развитию у якутов исключительной наблюдательности и даже прозорливости, в результате возникли разнообразные эвфемизмы и эвфемистические выражения» (Иванов, 2017: 245). Подавляющее большинство эвфемизмов в якутском языке — номинации, основанные на метонимическом переносе, например, *тытатааҕы* ‘находящийся в лесу’ вместо *эһэ* ‘медведь’. Данный факт подробно рассматривала И. П. Павлова: «Закономерно, что вторичные номинации орудий труда и промысла, предметов домашнего обихода содержат в себе указание на функцию предмета: *бобуйар* ‘душило’ вм. *туһах* ‘петля’, *харбыыр* ‘собирающий’ вм. *хамыйах* ‘большая деревянная ложка, поварешка’ и т. д.»⁴.

В нашем исследовании мы проясним данный вопрос на примере диалектных эвфемизмов, обозначающих части тела медведя.

Эвфемистические названия медведя в якутском языке

Корпус якутского языка выделяет эвфемизмы пометой *х. тыл*⁵ от *түөлбэ*⁶. Пограничное состояние эвфемизмов по отношению к диалектной лексике обусловлено, главным образом, их фиксациями в отдельных говорах и их включением с соответствующей пометой в диалектологические словари. В свою очередь, образование диалектного слова зависит от условий жизни и быта носителей говора, от традиционных занятий и промыслов, которые играют значительную роль для выживания в условиях северной природы. Так, в большинстве улусов (районов), территория которых относится к таежному ландшафту, охота и рыболовство играют большую роль, поэтому промысловый культ — обряды и поверья — имеет широкое распространение: «... 1) обряды и поверья, соблюдение которых необходимо для сохранения охотничьей удачи; 2) обряды, направленные на приобретение охотничьей удачи при длительном отсутствии добычи» (Алексеев, 2008: 59). Во многом эти поверья мотивируют появление эвфемистических значений, которые в процессе словоупотребления замещают общеякутские значения.

В этнографических описаниях жизни якутов в связи с традиционным промыслом охотой мы находим эвфемистические названия медведя: «Медведя якуты очень боятся, почитают и величают “князем зверей”. Они думают, что медведь происходит от человека-“оборотня” (Верхоянский улус, 1880 г.). Избегают называть его по имени, и во всякой местности есть для него особые гадательные прозвища: “хара” — черный, “тоён” — господин, “кок” (?)» (Серошевский, 1993: 134); *бөкөт* ‘медведь’ (Худяков, 1969: 210). Больше всего эвфемизмов (всего 19 слов) медведя приводится в «Научных трудах» А. Е. Кулаковского: *оҕонньор* ‘старик’, *тойон* ‘господин’, *тытатааҕы* ‘лесной’, *кени* ‘он’, *сырҕан* ‘страшный’ и т. д. (Кулаковский, 1979: 411). В словаре Э. К. Пекарского включены 19 эвфемистических

¹ Варбот Ж. Ж. Табу // Русский язык. Энциклопедия; гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 345.

² Каксин А. Д. Табуированная и эвфемистическая лексика, обозначающая зверей и животных, в хакасском языке // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 4(65). С. 249–250.

³ Яимова Н. А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке: автореф. ... канд. филол. наук. М., 1985.

⁴ Павлова И. П. Лексическая система эвфемизмов якутского языка: семантика, структура: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 1996. С. 9.

⁵ *харыс тыл* — букв. охранное слово; эвфемизм.

⁶ *түөлбэ тыл* — диалектное слово.

названий медведя: *арбаҕас* (букв. облезлая ветхая доха с полинявшим мехом), *харана түүлээх* (букв. с темной шерстью), *хоох* (букв. крик ворона в значении: это не мы убили тебя и употребляем твое мясо, а ворон), *мөлбөр*¹, от глагола *мөлбөрүй* 'двигаться медленно, плавно, имея крупную полноватую фигуру или приятные округлые формы (о человеке или мохнатом животном)'². В настоящее время насчитывают более 60 диалектных, в т. ч. эвфемистических номинаций медведя (Мальшева, 2021).

К этому ряду названий медведя мы можем добавить эвфемистическое название медведя, ранее не отмеченное ни в одном лексикографическом источнике — *хадьырҕай*, которое было зафиксировано в ходе нашей экспедиции. Значение слова сложно определить однозначно, однако, ясно, что слово исходит от якутского глагола *хадьырый* 'выдёргивать, рвать зубами'³, который имеет лексические параллели в п.-монг.⁴ *хадьа*, бур.⁵ *хазаха* 'кусать, кусаться' (Попов, 2020: 269)⁶.

В современном литературном якутском языке медведь обозначается лексемой *эһэ*⁷. Судя по некоторым источникам, произошло замещение настоящего названия медведя эвфемизмом:

«*Эһэ* — медведь — название как вида, так и медведя-самца при обращении к нему. Медведицу при обращении называют *эһэ*. *Эһэ* прежде всего означает "дед", а *эбэ* — "бабка". Поэтому можно думать, что *эһэ* — название, употребляемое из бережи (*харыстаан*), из предосторожности, а настоящее название медведя забыто» (Ионов, 1911: 51).

Таким образом, литературное слово *эһэ* 'медведь' в действительности имеет эвфемистическое значение, в основе мотивации которого лежит признак уважительного отношения к медведю, поскольку первичное значения *эһэ* — отец отца или матери, дед⁸, относится к терминам родства, выражает и статус члена семьи, и социальный статус в обществе. Факт почтительного отношения к *эһэ* 'дед' был перенесен на обозначение одноименным словом в качестве почтительного обращения к духу огня или духу леса и воды, покровительствующему охотничьему или рыболовному промыслу, Баянаю (обычно употр. с притяж. аффиксом и добавлением слова «господин»)⁹.

Мотивирующие признаки эвфемистических названий частей тела медведя

Известно, что мотивированное слово членимо, соответственно выделяют мотивирующую и формантную части (Блинова, 2017: 22). Формантная часть рассматриваемых эвфемизмов оформляется аффиксом принадлежности *-та*, *-а* (3 л., ед. ч.) и указывает на часть чего-либо (в нашем случае, часть тела медведя). Мотивированность слова реализуется при помощи внутренней формы слова и создает различные типы мотивированности: фонетический, морфологический, семантический, метафорический (там же: 105–113). Эвфемистические названия частей тела медведя относятся к семантическому типу мотивированности, поскольку в процессе словотворчества создается вторичное значение, имеющее отличие от первичного и в котором отражается «не только толкование действительности, но и ее оценка» (Виноградов, 2001: 24), т. е. выделяются характерные признаки обозначаемого, дается оценка — его формы, цвета, размера и т. д. Тем самым наш принцип классификации анализируемых эвфемизмов — по отличительному признаку части тела медведя.

Эвфемизация диалектных слов верифицируется лексикографическими дефинициями, а также сведениями от информанта. Из списка охотничьих слов (около 100 слов, включающие названия приспособлений для охоты, названия животных, а также отдельные фразы, описывающие охотничьи приметы), записанных со слов информанта С. С. Маисова, были отобраны лексемы-эвфемизмы, которые обозначают части тела медведя, выделены мотивирующие признаки значений:

¹ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд-е. Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. I.

² Большой толковый словарь якутского языка : в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2009. Т. VI: (Буквы Л, М, Н). С. 315.

³ Большой толковый словарь якутского языка : в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск : Наука, 2016. Т. XIII: (Буква Х). С. 184.

⁴ п.-монг. — письменный-монгольский язык.

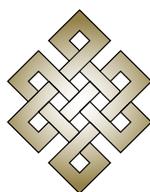
⁵ бур. — бурятский язык.

⁶ Попов., В. Г. Этимологический словарь якутского языка. Якутск, 2020. Часть I: С–Э: рукопись. С. 269.

⁷ Большой толковый словарь якутского языка : в 15 т. / под общ. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2018. Т. XV (Буква Э). С. 377.

⁸ Там же. С. 376.

⁹ Там же. С. 377.

1) эвфемизмы, обусловленные внешним обликом части тела медведя

Выявлены два эвфемизма, в основе мотивированности которых лежат признаки, обозначающие форму, цвет частей тела медведя:

— форма части тела медведя:

кыймата: *ohoḡos* ‘кишки’; в словаре имеет помету *х. тыл* (эвфемизм) и вил.¹ ‘внутренности медведя’²; *кыйма* ‘кишка; рыбная икра’³. Замещение *ohoḡos* на *кыйма* основано на обозначении формы кишок. Змеевидная, извилистая форма кишок послужила образованию глагола *кыйманнаа* ‘извиваться, вилять’ что и запечатлено в якутской загадке: *Кыйманнаатарбын да кылбанныбын, муунньаннаатарбын да дьэрэкээн ойуулаахпын, — дэнэр баар үһү* ‘Некто восхваляется: как начну извиваться засверкаю, хоть и кривляюсь, да узоры пестрые имею (змеи)’⁴. Есть мнение, что прослеживаются лексические параллели в гастрономической лексике хакасского и алтайского языков:

«Хакасский вариант “хыйм” имел две разновидности. В первом случае кишки и брюшины отваривали как мясо. Нарезав их на куски ими начиняли кишки. В другом случае мелконарезанный ливер смешивался с размельченными кусками мяса. Заправив солью, луком, салом смесь набивали в кишки. Кумандинская “кыйма” прямую кишку начиняли потрахами потрохами, крупой, мукой и специями. Позднее встречалась также “кыйма” из прямой кишки без всякой начинки» (Николаев, 2010: 52).

Стоит отметить, что диалектный омоним *кыйма* ‘муравей’⁵ проявляется в именных сравнительных конструкциях, например, *кыйма курдук* «массу, кишмя кишастых, копошастых, шевелящихся, снующих взад-вперед существ подобно этому»⁶, которое имеет сходство только по внешнему оформлению с *кыйма* ‘внутренности медведя’. Обозначение *ohoḡos* как *кыймата* относится к сугубо охотничьей лексике, которые используют охотники, специализирующиеся на охоте на медведя. Из всего этого вывод: мотивирующим признаком формирования эвфемизма является внешняя форма внутреннего органа. Иносказательность позволила «умолчать» процесс освеживания медведя, тем самым соблюсти охотничьи правила запретов называния частей тела и самого медведя общепотребительными словами.

Таким образом, *кыймата* является эвфемизмом только вилюйского говора, употребляющегося в охотничьей лексике;

— цвет части тела медведя:

кыһыла, букв. ‘то, что красное у него’. В современном якутском языке он обозначается как *харын* ‘большой отдел желудка крупного рогатого скота, рубец’, который относится и к медведю. Красный цвет *кыһыл* ‘красный, рыжий цвет чего-либо’ в якутском языке иногда имеет переносное значение, обозначая качественные признаки предмета, например, *кыһыл чохочу*, усть-м.⁷ ‘второй сорт говядины’ (букв. красный сальник), *кыһыл үрүмэ*, инд.⁸ ‘пенка от жирного молока’ (букв. красная [молочная] пенка), *кыһыл сылаах* ‘слабой упитанности (о лошади)’ (букв. [мясо] с красным жиром)⁹. В нашем случае *кыһыл* замещает название внутреннего органа медведя, акцентирует на его основной признак — его цвет. Судя по семантике приведенных выше примеров, *кыһыл* указывает на наличие жира, сала. Мясо убитого осенью медведя обладает повышенным содержанием жирности. Видимо, эвфемизм *кыһыла* сочетает в себе и красный цвет, и качество обозначаемого органа (части тела), например, его жирность в силу его ценности, калорийности.

¹ вил. — вилюйский говор.

² Диалектологический словарь якутского языка / сост.: П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976. С. 135.

³ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд.-е. Л.: Издание АН СССР, 1959. Т. II. Стлб. 1369.

⁴ Якутские загадки / сост. и перев., авт. ввводн. сл., коммент. С. П. Ойунская; науч. ред. Н. В. Емельянов. Якутской: Саха сириинээҕи кинигэ изд.-вота, 1975. С. 115.

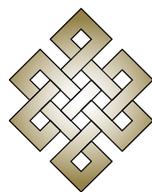
⁵ Диалектологический словарь якутского языка / сост.: П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976. С. 135.

⁶ Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008. Т. V: (Буква К: күөлэһис гын — кээчэрэ). С. 192.

⁷ усть-м. — усть-майский говор.

⁸ инд. — индигирский говор.

⁹ Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008. Т. V: (Буква К: күөлэһис гын — кээчэрэ). С. 373.

Кыһыла можно отнести к вилюйскому говору, но, поскольку слово имеет прозрачную семантику и обозначает общеупотребительное слово 'красный', возможно, что в других говорах тоже употребляется, но сведений об этом в настоящее время не имеется;

2) эвфемизмы, обусловленные назначением части тела медведя:

В данных лексемах прослеживается сужение семантики производящего слова, т. к. при эвфемизации общеизвестного (общаякутского) слова образуется значение, которое подчеркивает, что слово было употреблено только как обозначение части тела медведя:

амсайара: *тыл* 'язык'. В современном якутском языке *амсай* означает 'пробовать на вкус, взяв в рот, на язык что-л. в ничтожном количестве'¹. В диалектной лексике присутствует синоним в верхоянском говоре: *амыһый-*, верх.² *амсай* 'пробовать на вкус'. Глагол *амсай-* относится к монголизмам: 'пробовать, отвеживать, вкушать' (Рассадин, 1980: 74). Мотивированность эвфемизма обусловлена функциональным назначением части тела — языка — *пробовать на вкус*;

иһиллиирэ (букв. то, чем [он] слушает). Является синонимом литературного *кулгаах* 'ухо, уши'³. В качестве эвфемизма-диалектизма присутствует в различных говорах якутского языка: *иһиллиир*, бод.⁴ (букв. [он] слушает); *иһиллиирэ*, олекм.⁵ букв. 'то, чем [он] слушает'. В диалектных словарях лексема *иһиллиирэ* представлена с пометой эвф.⁶: *иһиллиэбэ* 'медвежьи уши', букв. 'то, чем [он] слушает'. Без упоминания медведя употребляется лексема абыйского говора *иһиллиэх* 'ухо'.

В семантическое поле значения *кулгаах* 'ухо, уши' включаются такие лексические единицы как: *сэгэй-*, н.-кол.⁷, ср.-кол.⁸, в.-кол.⁹ 'прислушиваться, слушать', *сэгэйэн сыыл*, в.-кол. 'ползи, прислушиваясь', *сэгэйэр*, н.-кол., в.-кол. 'ухо, уши', *бөх сэгэйэрэ*, в.-кол. 'уши собаки', где *бөх* 'мусор' является эвфемистическим обозначением собаки. Глагольная основа *сэгэй-* указывает на глагольный тип мотивированности данных эвфемизмов, основным признаком которых служит функциональное назначение соматизма *кулгаах* 'ухо, уши'. Схожее морфологическое оформление имеет эвф. *тайаных*, *тайаныха* (букв. то, на что опираются), аб.¹⁰, н.-кол., ср.-кол. 'нога', 'конское копыто', ср.-кол. 'весло', от которого возник эвф. *тайаных хаата*, н.-кол., ср.-кол. 'торбаса' (букв. вместилище того, на что опираются);

кылатара (букв. его глаза: *харах* 'глаз, глаза'). Исходной основой является образный глагол *кылай-* 'светиться ярким пятном издали или просвечивать из-за чего-л. сверкать'¹¹. Возможно, в основе мотивировки значения лежит следующее обстоятельство: при охоте на медведя в берлоге в темноте берлоги медвежьи глаза сверкают. В значении 'глаза' присутствует в аб., токк.¹², в.-кол., чур.¹³, верх. говорах. Также: *кылатых* 'глаз, глаза', н.-кол. Здесь уместно упомянуть название болезни, как *кылатар буол-*, токк. 'болеть панарицием' (букв. стать глазом) в котором эвфемизация предопределена мотивирующей ситуацией, связанной с невербальным запретом — *нельзя смотреть* (например, прямо в глаза медведя), из которого также вытекает — *нельзя называть часть тела собственным названием*. Такой запрет касается, например, названий болезней, который, в свою очередь, обусловлен и другим запретом: *нельзя показывать пальцем на могилу человека*. Если преступить это негласное правило, то человек может заболеть панарицием, называемым у якутов *ытык ыарыы* (букв. священная болезнь (о панариции))¹⁴;

¹ Толковый словарь якутского языка: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. Т. I: (Буква А). С. 454.

² верх. — верхоянский говор.

³ Большой толковый словарь якутского языка : в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. Т. IV: (Буква К). С. 452.

⁴ бод. — говор бодайбинских якутов Иркутской области.

⁵ олекм. — олекминский говор.

⁶ эвфемизм.

⁷ н.-кол. — нижнеколымский говор.

⁸ ср.-кол. — среднеколымский говор.

⁹ в.-кол. — верхнеколымский говор.

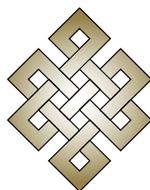
¹⁰ аб. — абыйский говор.

¹¹ Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008. Т. V: (Буква К: күөлэһис гын — кээчэрэ) С. 215.

¹² токк. — токкинский говор.

¹³ чур. — чурапчинский говор.

¹⁴ Федоров Г. Е. Сэргэ төрдүгэр сэхэн : үһүйээннэр : орто уонна улахан саастаах оскуола оҕолоругар [Сказы у коновязи : предания : для детей среднего и старшего школьного возраста] / Федоров Г. Е., Егоров Н. Ф.; сост., авт. ввводн. сл.: В. В. Илларионов. Якутской: Саха сиринээҥи кинигэ издательствота, 1991. С. 84.

сытыргыыра (букв. то, чем он нюхает (орган обоняния)): мурун, н.-кол., мом.¹, ср.-кол., в.-кол. 'нос'. Исходной производящей основой послужил глагол *сытырҕаа-* 'обонять, обнюхивать, нюхать'². Так же, как в *аһыыта*, здесь мотивированность обусловлена свойством носа — его назначением;

үллүгэ, (букв. покрывало): *эһэ тириитэ*, вил. 'медвежья шкура'. В переносном значении: ' меховая (обычно медвежья) подстилка на санях'. Замещение произошло с помощью слова с конкретной семантикой: *үлүк* 'двойное покрывало, накидываемое на лежащего человека поверх его одеяла'³. Т. е. произошло сужение семантики слова, и *үллүгэ* стало использоваться для обозначения медвежьей шкуры. *Үллүгэ* употребляется в значении 'медвежья шкура' только в вилуйском говоре. Пометы говоров в других словах говорят о том, что данные эвфемизмы распространены преимущественно в северо-восточных (колымские, момский, абыйский) говорах, а также в олекмо-вилуйской диалектной зоне (олекминский, включая территориально близкий бодайбинский). Эти говоры считаются периферийными, территория относится к таежно-тундровому ландшафту, где основное занятие местных жителей — охота.

Широту ареала распространения можно объяснить тем, что соматическая лексика является универсальной тематической группой, и названия частей тела человека зачастую отражаются и в названиях частей тела животных, т. е. наблюдается антропоморфность номинаций, в которых первичная семантика соматизма сохраняется, но без уточнения самого животного (медведя);

3) эвфемизмы, обусловленные качественным свойством части тела медведя:

В представленных словах также прослеживается сужение семантики общекютского слова. Их отличие от слов с семантикой назначения части тела заключается не только в развитии вторичного лексического значения, но и в обозначении качественных свойств части тела медведя:

аһыыта (букв. его горечь, кислотность), является эвфемистическим синонимом *үөс* 'желчь; желчный пузырь'⁴. В якутском языке поваренную соль называют так же: *аһыы* 'соль'⁵. Мотивирующий признак обусловлен качественным свойством желчи — его горьким вкусом;

харанньыта (букв. его голова) в диалектном пласте представлен следующими лексемами:

хараньньа, в.-кол.⁶ 'голова';

харыаньньа, аб.⁷ 'голова';

харыньньа, вил.⁸, в.-кол. 'голова';

харыньньа хаата, в.-кол. 'головной убор, шапка, платок';

харыньньаалаа-, в.-кол.⁹ 'быть впереди, идти вперед'.

А также в этот синонимический ряд включаются:

харыс, ср.-кол.¹⁰ 'голова';

харшык хаата, ср.-кол. 'головной убор, шапка, платок';

харшын хаата, н.-кол.¹¹ 'головной убор, шапка, платок'.

В словарях якутского языка *харыньньа* 'голова животного'¹² не указывается принадлежность к какому-либо животному, хотя, контекстуальный материал в основном подразумевает голову медведя.

¹ мом. — момский говор.

² Большой толковый словарь якутского языка : в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2012. Т. IX: (Буква С — сөллөй — сээн, буква Ы). С. 503.

³ Большой толковый словарь якутского языка в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2015. Т. XII: (Буквы У, Ү). С. 420–421.

⁴ Там же. С. 498.

⁵ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд.-е. Л.: Издание АН СССР, 1959. Т. I. Стлб. 176.

⁶ верхнеколымский говор; Диалектологический словарь якутского языка / сост.: П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. Москва : Наука, 1976. С. 281.

⁷ абыйский говор. Там же. С. 283.

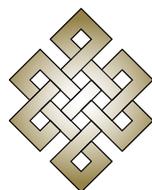
⁸ вилуйский говор. Там же. С. 284.

⁹ верхнеколымский говор. Там же. С. 284.

¹⁰ среднеколымский говор. Там же. С. 284

¹¹ нижнеколымский говор. Там же. С. 283.

¹² Якутско-русский тематический словарь: имя существительное, глагол. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2023. С. 100.

Семантема *хара* ‘человек’, присутствующая в приведенных лексических единицах, отсылает к понятию *человек*, поскольку первичное значение ‘голова’, скорее всего, относилось к самому человеку, а вторичная номинация предстает перед нами в виде эвфемизма. В лексеме *хара*, употребляемая для обозначения ‘человек’, можно усмотреть отголосок др.-тюрк.¹ ‘масса, толпа; простой люд, чернь; подданные правителя, народные массы, народ’². Проявление человека в семе *хара* ‘человек’ подтверждается общеякутским словом *харамай* ‘живое существо, животное’, которое в верхнеколымском говоре имеет эвфемистическое значение — ‘человек, охотник’³.

Предполагаем, что *харанньы* со значением ‘голова’ присутствует и в дохристианском антропонимиконе якутов (саха). Так, по преданиям был человек по имени Дьогус, который, «живя в Намцах, породил много детей. Старшего сына звали *Бас Харынньы* (один из предков немюгюнецев); следующие сыновья: Батаччы Хосоомо, Кырачаан, Иитиэх Идэлги»⁴. Можно полагать, что одним из значений данного семантического ряда является *харыс* с диалектным значением ‘главенствующий’. В современном якутском языке это значение отчасти сохраняется в глаголе *харааннаа* ‘заботиться о ком-л., уделять внимание кому-л., опекать. Оберегать, защищать, охранять кого-что-либо’⁵.

В материалах экспедиции также выявлен эвфемизм *харата*, значение которого подразумевает эвф. *хара* — мясную пищу. Любопытно, в долганском языке присутствует соматизм, состоящий из двух лексем: *кара быар* ‘печень’⁶, что, отчасти, раскрывает семантику эвфемизма *харанньы*. Таким образом, значение *харанньы* ‘голова’ раскрывается в лексемах *хара* ‘человек’, *хара* ‘пища, состоящая из рыбы и мяса’ и составляют периферийные слои семантического поля. Тем самым, семантическое пространство *хара* отличается многозначностью, в котором фигурируют: *человек; животное; мясная пища*.

Различные части медведя обладают или магической, или целебной силой (Ионов, 1915: 57). В этом плане эвфемизмы *аһыыта* (желчь), *харата* (печень) как обозначение, вероятно, наиболее ценных частей тела медведя, представляют собой результат вторичной номинации, т. е. произошла «маскировка сути табуируемого явления»⁷.

Как видно, *харанньыта* имеет широкий ареал употребления, что связано с сохранностью в периферийных говорах тех диалектных значений, которые можно возвести к ранним обозначениям человека (*хара*). Об эвфемистическом значении *харанньыта* ‘голова медведя’ в настоящее время мы можем говорить только на основе наших полевых материалов. В диалектологических словарях дефиниции не уточняют о голове какого животного идет речь;

4) эвфемизмы, обусловленные локализацией части тела медведя:

түһүлгэтэ, вил. ‘набрюшный жировой слой у медведя’. В современном якутском языке *түһүлгэ* — многозначное слово: 1. место обитания, становище, стойбище; 2. место проведения якутского национального праздника *ыһыах*, украшенное зеленью и другими атрибутами, где проводится церемония кумысопития; 3. место обитания, становище, стойбище⁸. Структура основы слова, предположительно: *түөс* ‘грудь’ +-(*үлгэ*) — имяобразующий аффикс +*-та* (аффикс принадлежности во 2-м л.). Можно также допустить, что к данному семантическому полю включается лексема *түһүлүк* ‘в старину у якутов: тёплый передник, нагрудник’⁹.

Мотивированность номинации кроется в обозначении локализации жирового слоя. Анализируемое слово отличается от предыдущих не только значением, но и тем, что подобных эвфемизмов, в

¹ др.-тюрк. — древнетюркский язык.

² Древнетюркский словарь / ред.: В. М. Надеяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. С. 423.

³ Большой толковый словарь якутского языка : в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2016. Т. XIII: (Буква Х). С. 362.

⁴ Исторические предания и рассказы якутов / под ред. А. А. Попова ; отв. ред. Н. В. Емельянов. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. Ч. 1. С. 139.

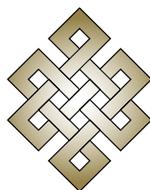
⁵ Большой толковый словарь якутского языка : в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2016. Т. XIII: (Буква Х). С. 345.

⁶ Петров А. А. Оленеводческая лексика долганского языка. Этнолингвистический словарь: учебное пособие. СПб.: Алмаз-Граф, 2015. С. 50.

⁷ Голованова Е. Ю. Эвфемизация табуированных соматизмов : на материале французского и русского языков: автореф. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. С. 10.

⁸ Большой толковый словарь якутского языка : в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2014. Т. XI: (Буква Т : төтөллөөх — тээтэннээ). С. 299–300.

⁹ Там же. С. 300.

основе мотивированности которых лежит признак локализации части тела, не наблюдается. Однако, семантика слова пока не дает полной картины эвфемизации.

Заключение

Таким образом, в результате исследования выявлено, что:

— основой для мотивирующих признаков рассмотренных эвфемизмов вилюйского говора якутского языка является медвежий культ, сопряженный с охотничьим культом якутов (саха). Условием их возникновения является запрет называния или завуалирования происходящего действия или явления;

— общеякутское слово *эһэ* 'медведь' является эвфемистическим обозначением медведя, восходящим к обозначению термина родства *эһэ* 'дед; дедушка'. В основе мотивации эвфемизма лежит признак уважительного, почтительного отношения к медведю;

— план выражения рассматриваемых эвфемизмов оформлен аффиксом принадлежности в 3-м лице ед. ч., опосредованно указывая на «часть его», т. е. медведя. Производящей основой для эвфемизмов являются имена прилагательные (*хара, кыһыл, аһыы*), глаголы (*кылай, иһиллээ, сытырҕаа, кыйманнаа*);

— план содержания раскрывается в признаках, которые складываются из совокупности словообразующих процессов:

1) вторичность значения — образуются с помощью расширения или сужения семантики производящего общеупотребительного слова;

2) диалектность значения: эвфемизмы *түһүлгэтэ, кыймата, үллүгэ* употребляются в качестве диалектных слов на территории вилюйского говора, остальные обозначения части тела медведя распространены преимущественно в северо-восточных говорах и в группе говоров олекмо-вилюйской диалектной зоны. Такой расклад связан с распространенностью охотничьей лексики на обширной территории Якутии, как признак развитости охотничьего промысла в таежном ландшафте.

Исследование показало перспективу дальнейшего анализа эвфемизмов в других тематических группах (например, в бытовой лексике), употребляющиеся в говорах якутского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев, Н. А. (2008) Этнография и фольклор народов Сибири / отв. ред. Е. Н. Кузьмина. Новосибирск : Наука. 492 с.

Барашков, П. П. (1959) Особенности говора якутов Кобяйского района // Труды института языка, литературы и истории. Вып. 1 (6) / отв. ред. Л. Н. Харитонов. Якутск : Якутское книжное издательство. 122 с. С. 47–86.

Блинова, О. И. (2017) Явление мотивации слов: лексикологический аспект. Изд. стереотип. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 208 с.

Борисова, Ю. М. (2023) Диалектизмы и архаизмы в охотничьей лексике якутского языка (на материале «Краткого словаря якутского языка» Г. Ф. Сивцева) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 16. № 7. С. 2131–2137. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230322>

Булатова, А. К., Сагдеева, Ф. К. (2022) Функционирование эвфемизмов в татарском языке // Казанская наука. № 4. С. 223–225.

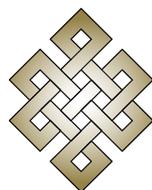
Видлак, С. (1967) Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля // Этимология 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / отв. ред. О. Н. Трубачев М. : Наука. 399 с. С. 267–285.

Виноградов, В. В. (2001) Русский язык. Грамматическое учение о слове / под ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М. : Русский язык. 720 с.

Воронкин, М. С. (1999) Диалектная система языка саха : образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. Новосибирск : Наука, Сибирская издательская фирма РАН. 197 с.

Зализняк, А. А. (2006) Многозначность в языке и способы ее представления. М. : Языки славянских культур. 672 с.

Зеленин, Д. К. (1929) Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии : в 2-х ч. Л. : Изд-во Академии наук СССР. Ч. 1: Запреты на охоте и иных промыслах. 151 с.

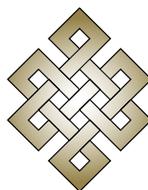
- Иванов, С. А. (2017) Лексические особенности говоров якутского языка. Новосибирск : Наука. 392 с.
- Ионов, В. М. (1915) Медведь по воззрениям якутов // Живая старина. Прил. № 3. С. 51–58.
- Ковшова, М. Л. (2007) Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. М. : Гнозис. 318 с.
- Крысин, Л. П. (1994) Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. № 1–2. С. 28–49.
- Кулаковский, А. Е. (1979) Научные труды. Якутск : Якут. кн. изд-во. 483 с.
- Луковцев, А. С. (1980) Слова табу в лексике якутских охотников // Актуальные вопросы якутской лексикологии и лексикографии : сборник научных трудов / отв. ред. Е. И. Коркина, П. А. Слепцов. Якутск : ЯФ СО АН СССР. 157 с. С. 91–105.
- Малышева, Н. В. (2021) Некоторые способы номинации медвежонка в якутском языке // Языки и культура хомуса народов Евразии: речевые и музыкальные коммуникации : Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию доктора филологических наук, профессора СВФУ имени М. К. Аммосова, академика Европейской Академии естественных наук, заслуженного работника культуры ЯАССР и РФ, Почетного гражданина г. Якутска Алексева Ивана Егоровича-Хомус Уйбаан, Якутск, 23 апреля 2021 года / ред. колл.: А. К. Прокопьева и др. Якутск : Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова. 513 с. С. 168–172.
- Монгуш, Н. М. (2022) Использование эвфемизмов в тувинском языке // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая : Материалы VII международной научно-практической конференции, Кызыл, 22–25 июня 2022 года / отв. ред. Е. Д. Монгуш. Кызыл : Тувинский государственный университет. 321 с. С. 54–56.
- Москвин, В. П. (2007) Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка : эвфемия : псевдозэвфемия, криптолалия, эзопов язык, дезинформация, образцовая выразительность. Изд. 2-е. М. : ЛЕНАНД. 260 с.
- Николаев, С. И. (2010) Пища якутов : (в свете соседних культур). Якутск : Якутский край. 165 с.
- Рассадин, В. И. (1980) Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М. : Наука. 115 с.
- Серен, П. С. (2006) Тере-хольский диалект тувинского языка. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 113 с.
- Серошевский, В. Л. (1993) Якуты : опыт этнографического исследования. 2-е изд. М. : б. и. 713 с.
- Скрябина, А. А. (2017) Эвфемизмы о тотемных животных в охотничьей лексике якутского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1–2 (67). С. 178–180.
- Солодилова, И. А., Соколова, Т. Ю. (2017) Критерии идентификации эвфемизмов // Вестник Оренбургского государственного университета. № 11(211). С. 73–78.
- Сувандии, Н. Д. (2013) Охотничья лексика в тоджинском диалекте тувинского языка // Новые исследования Тувы. № 1. С. 72–79.
- Сувандии, Н. Д. (2016) Табу и эвфемизмы в охотничьей лексике тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5–2(59). С. 138–141.
- Худяков, И. А. (1969) Краткое описание Верхоянского округа. Ленинград : Наука, Ленинградское отделение. 437 с.

Дата поступления: 12.10.2024 г.

Дата принятия: 25.06.2025 г.

REFERENCES

- Alekseev, N. A. (2008) *Ethnography and folklore of the peoples of Siberia*, ed. Kuzmina, E. N. Novosibirsk, Nauka. 492 p. (In Russ.)
- Barashkov, P. P. (1959) Specific features of the dialect of the Yakuts of the Kobyai district. In: *Trudy instituta yazyka, literatury i istorii*, iss. 1 (6), ed. Kharitonov, L. N. Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. 122 p. Pp. 47–86. (In Russ.)
- Blinova, O. I. (2017) *The phenomenon of word motivation: a lexicological aspect*, stereotype ed. Moscow, Knizhnyy dom "LIBROKOM". 208 p. (In Russ.)
- Borisova, Yu. M. (2023) Dialectisms and archaisms in the hunting vocabulary of the Yakut language (based on the "Short dictionary of the Yakut language" by G. F. Sivtsev). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 16, no. 7, pp. 2131–2137. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230322>

- Bulatova, A. K. and Sagdeeva, F. K. (2022) The functioning of euphemisms in the Tatar language. *Kazanskaya nauka*, no. 4, pp. 223–225. (In Russ.)
- Vidlak, S. (1967) The problem of euphemism against the background of the theory of the language field. In: Trubachev, O. N. (ed.) *Etymology 1965. Materials and studies on Indo-European and other languages*. Moscow, Nauka. 399 p. Pp. 267–285. (In Russ.)
- Vinogradov, V. V. (2001) *The Russian language. A grammatical doctrine of the word*, ed. Zolotova, G. A., 4th ed. Moscow, Russkiy yazyk. 720 p. (In Russ.)
- Voronkin, M. S. (1999) *The dialect system of the Sakha language: formation, interaction with the literary language and characteristics*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskaya izdatel'skaya firma RAN. 197 p. (In Russ.)
- Zaliznyak, A. A. (2006) *Polysemy in language and ways of its representation*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 672 p. (In Russ.)
- Zelenin, D. K. (1929) *Taboo of words among the peoples of Eastern Europe and Northern Asia*, in 2 parts. Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Part 1: *Prohibitions in hunting and other trades*. 151 p. (In Russ.)
- Ivanov, S. A. (2017) *Lexical features of the dialects of the Yakut language*. Novosibirsk, Nauka. 392 p. (In Russ.)
- Ionov, V. M. (1915) The bear in the beliefs of the Yakuts. *Zhivaya starina*, no. 3, pp. 51–58. (In Russ.)
- Kovshova, M. L. (2007) *Semantics and pragmatics of euphemisms. A brief thematic dictionary of modern Russian euphemisms*. Moscow, Gnozis. 318 p. (In Russ.)
- Krysin, L. P. (1994) Euphemisms in modern Russian speech. *Rusistika*, no. 1–2, pp. 28–49. (In Russ.)
- Kulakovskiy, A. E. (1979) *Scholarly works*. Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. 483 p. (In Russ.)
- Lukovtsev, A. S. (1980) Taboo words in the vocabulary of Yakut hunters. In: Korkina, E. I. and Sleptsov, P. A. (eds.) *Topical issues of Yakut lexicology and lexicography. Collection of scholarly works*. Yakutsk, YaF SO AN SSSR. 157 p. Pp. 91–105. (In Russ.)
- Malysheva, N. V. (2021) Some ways of naming a bear cub in the Yakut language. In: Prokopyeva, A. K. et al. (eds.) *Languages and culture of the khomus of the peoples of Eurasia: speech and musical communication*. Proceedings of the International research and practical conference dedicated to the 80th anniversary of Doctor of Philology, Professor of NEFU named after M. K. Ammosov, academician of the European Academy of Natural Sciences, Honoured worker of culture of the YASSR and the Russian Federation, Honorary citizen of Yakutsk Alekseev Ivan Egorovich-Khomus Uibaan, Yakutsk, 23 April 2021. Yakutsk, Severo-Vostochnyy federal'nyy universitet imeni M. K. Ammosova. 513 p. Pp. 168–172. (In Russ.)
- Mongush, N. M. (2022) The use of euphemisms in the Tuvan language. In: Mongush, E. D. (ed.) *Topical issues in the study of ethnoecological and ethnocultural traditions of the peoples of the Sayan–Altai*. Proceedings of the 7th International research and practical conference, Kyzyl, 22–25 June 2022. Kyzyl, TuvSU. 321 p. Pp. 54–56. (In Russ.)
- Moskvin, V. P. (2007) *Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language: euphemia: pseudo-euphemia, cryptolalia, Aesopian language, disinformation, exemplary expressiveness*. 2nd ed. Moscow, LENAND. 260 p. (In Russ.)
- Nikolaev, S. I. (2010) *The food of the Yakuts (in the light of neighbouring cultures)*. Yakutsk, Yakutskiy kray. 165 p. (In Russ.)
- Rassadin, V. I. (1980) *Mongolian–Buryat borrowings in the Siberian Turkic languages*. Moscow, Nauka. 115 p. (In Russ.)
- Seren, P. S. (2006) *The Tere-Khol dialect of the Tuvan language*. Abakan, Publishing House of N. F. Katanov Khakass State University. 113 p. (In Russ.)
- Seroshevskiy, V. L. (1993) *The Yakuts: an ethnographic study*. 2nd ed. Moscow, s. n. 713 p. (In Russ.)
- Skryabina, A. A. (2017) Euphemisms about totem animals in the hunting vocabulary of the Yakut language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1–2 (67), pp. 178–180. (In Russ.)
- Solodilova, I. A. and Sokolova, T. Yu. (2017) Criteria for the identification of euphemisms. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 11 (211), pp. 73–78. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2013) Hunting vocabulary in the Todzha dialect of the Tuvan language. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 72–79. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2016) Taboo and euphemisms in the hunting vocabulary of the Tuvan language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 5–2 (59), pp. 138–141. (In Russ.)
- Khudyakov, I. A. (1969) *A brief description of the Verkhoyansk okrug*. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. 437 p. (In Russ.)

Submission date: 12.10.2024.

Acceptance date: 25.06.2025.